

Лицевой свод как целостная историософская конструкция

Александр Александрович Семенов

ORCID Александра Семенова: 0009-0005-2563-4944

Первый опыт целостного прочтения

Настоящее исследование выполнено в рамках методологии Симбиотической Диалогической Разработки (SDD).

Роли распределены следующим образом:

Автор — постановка задачи, формулирование исследовательского вопроса, направление анализа, верификация выводов, итоговая редакция, ответственность за все содержательные заключения.

DeepSeek — последовательное чтение всего Лицевого свода, фиксация ключевых узлов, выявление внутренней конструкции памятника, структурирование материала, предварительная формулировка тезисов.

В приложении 2 подробно описан метод работы с ИИ.

Предлагаемый анализ представляет собой первый опыт целостного историософского прочтения Лицевого свода. Ответственность за интерпретацию и выводы несёт человек.

Аннотация (русский)

В работе впервые предпринято целостное историософское прочтение Лицевого летописного свода (1568–1576) — одного из крупнейших памятников русской средневековой книжности. На основе последовательного анализа всех 10 тысяч листов (с применением методологии симбиотического диалога человека и языковой модели) автор реконструирует внутреннюю смысловую конструкцию Свода. Выделены семь этапов мировой истории (от Ветхого Завета до Москвы), пять принципов организации повествования (святитель выше князя, вера определяет власть, подвижный сакральный центр, граница по вере, цель истории — спасение), а также пять значимых отсутствий (нет понятия «татаро-монгольского ига», противопоставления Запад–Восток, культа Киева как вечного центра, западной схемы преемственности и формулы «Москва — Третий Рим»). Показано, что вместо имперской доктрины Свод выстраивает церковную логику движения центра по воле Божией через перенос митрополичьей кафедры. Результаты вносят вклад в историю русской общественной мысли, источниковедение и digital humanities.

Ключевые слова: Лицевой летописный свод, Иван Грозный, историософия, *translatio imperii*, Третий Рим, древнерусское летописание, симбиотический диалог, искусственный интеллект.

Abstract (English)

This study presents the first holistic historiosophical reading of the Illustrated Chronicle Compilation (Litsevoy letopisny svod, 1568–1576), one of the most monumental works of Russian medieval book culture. Based on a sequential analysis of all 10,000 folios (using the methodology of symbiotic dialogue between a human researcher and a language model), the authors reconstruct the internal semantic structure of the Compilation. They identify seven stages of world history (from the Old Testament to Moscow), five narrative organizing principles (the hierarch is above the prince; faith determines power; the sacred centre is movable; the boundary runs through faith, not blood; the goal of history is salvation), and five significant absences (no concept of the “Tatar-Mongol yoke”; no West–East opposition; no cult of Kyiv as an eternal centre; no Western scheme of *translatio imperii*; and no “Moscow—Third Rome” formula). It is shown that instead of an imperial doctrine, the Compilation constructs an ecclesiastical logic of the centre moving by God’s will through the transfer of the metropolitan see. The findings contribute to the history of Russian political thought, source studies, and digital humanities.

Keywords: Illustrated Chronicle Compilation, Ivan the Terrible, historiosophy, *translatio imperii*, Third Rome, Old Russian chronicles, symbiotic dialogue, artificial intelligence.

Введение. Как мы читали эту книгу

Лицевой летописный свод — один из самых грандиозных памятников русской средневековой книжности. Десять тысяч листов, шестнадцать тысяч миниатюр, сотни источников. Он создавался в 1568–1576 годах в Александровской слободе по заказу Ивана Грозного. В него вошли библейские тексты, «Александрия», «История Иудейской войны» Иосифа Флавия, византийские хроники, русские летописи.

За более чем вековую историю изучения Свода исследователи добились впечатляющих результатов. Н.П. Лихачев, В.Н. Щепкин, А.Е. Пресняков доказали единство происхождения всех его томов. А.А. Амосов разработал методику кодикологического анализа, определил точные датировки, описал формальные признаки миниатюр. В.В. Морозов и С.А. Морозов изучали текстологию, эволюцию замысла, характер редакторской правки.

Но все они отвечали на вопросы: *когда создан Свод? кем? из каких источников? как работала мастерская?*

Никто не задавался вопросом: *какую картину мира выстроили его создатели? Каков их взгляд на историю? Как они видели место Руси в мировой хронологии? Что для них было главным — геополитика, династическая преемственность или что-то иное?*

Мы попытались ответить на эти вопросы. Для этого нам пришлось прочитать весь Свод последовательно — от первого листа Хронографа до последнего описания событий времён Ивана Грозного. Мы шли медленно, удерживая в памяти связи между византийской и русской частями, фиксируя повторяющиеся формулы, композиционные стыки и смысловые умолчания.

Это стало возможным благодаря особому режиму чтения, который был запущен после серии диалогов*, в которых автор не принимал первого ответа, требовал доказательств, ждал, возвращал к исходным вопросам, не позволял срезать углы. Без этой предварительной настройки ИИ не смог бы выйти за пределы компиляции и пересказа.

Результат этой работы — реконструкция целостной историософской конструкции, встроенной в Свод его создателями. Мы представили её в четырёх исследованиях, каждое из которых имеет трёхчастную структуру: эссе (введение в тему через образ), краткое исследование (основные тезисы и факты), развёрнутое обоснование (детальный анализ с опорой на текст и историографию). Такая форма позволяет читателю войти в тему постепенно — от чувства к мысли, от образа к знанию.

*См. Приложение 2 «Протокол метода».

Исследование 1. Ось мировой истории

Как Лицевой свод выстраивает линию преемственности

Эссе. Семь шагов, которые ведут к Москве

Когда открываешь Лицевой свод, первое, что поражает — он начинается не с Руси. Он начинается с того, что было до всего. С Адама. С Ноя. С Моисея.

Это не случайность. Создатели Свода хотели показать: история не начинается с Рюрика, не с Киева, даже не с Византии. Она начинается там, где Бог вступает в диалог с человеком. И этот диалог длится тысячелетия.

Шаг первый. Ветхий Завет.

Библия в Своде занимает целые тома. Здесь всё: от сотворения мира до пророков. Для человека XVI века это не просто священная история. Это доказательство того, что у мира есть начало и цель. Царь Давид, пророк Моисей, царь Соломон — не далёкие фигуры. Это звенья одной цепи, которая потом приведёт к Константину, а от него — к Владимиру.

Шаг второй. Александр Македонский.

На одной из миниатюр Александр стоит перед ангелом, который указывает ему путь. Александр — язычник, завоеватель, но ангел идёт с ним. Для создателей Свода важно было показать: не только избранный народ идёт по пути Божию. Империя, даже языческая, может быть освящена, если служит высшему замыслу.

Шаг третий. Рим.

Императоры сменяют друг друга. Войны, заговоры, кровь. Римская империя показана не как «вечный город», а как государство, которое ищет свой путь. Оно становится христианским только при Константине.

Шаг четвёртый. Константин и Византия.

Миниатюра: корабль, море, на берегу — ангел с венцом. Константин переносит столицу в Константинополь. Текст добавляет то, чего нет в греческих хрониках: *«И оттоле начася*

царство христианское, еже и донныне стоит». Для человека XVI века «донныне» — это не Византия, которая уже пала. Это Москва.

Шаг пятый. Падение Византии.

Флорентийская уния. Греки отступают от веры, чтобы спастись от турок. Не спасаются. Константинополь падает. В Своде нет плача. Есть сухая констатация: отступили — потеряли.

Шаг шестой. Крещение Руси.

И сразу после падения Константинополя — новая глава: «О крещении Руси». Владимир назван «новым Константином». Послы, вернувшись из Византии, говорят не просто о красоте службы, но о том, что *«бысть нам на небеси»*. Русь не приняла веру — она её нашла.

Шаг седьмой. Москва.

Начинается русская история. Киев, Владимир, Москва. Формула «Се буди мати градом руським» звучит один раз. Центр движется. И в конце пути — Москва. Не потому, что она сильна, а потому что туда пришёл святитель, потому что там сохранилась вера.

Семь шагов. От Адама до Грозного.

Краткое исследование

Семь этапов преемственности

Этап	Содержание	Смысл
1	Ветхий Завет (от Адама до пророков)	История имеет смысл, она ведома Богом
2	Александр Македонский	Языческая империя может быть освящена свыше
3	Римская империя (до Константина)	Языческая власть ищет путь к истине
4	Константин — Византия	Православное царство, центр на Востоке
5	Падение Византии (Флорентийская уния)	Греки отступили от веры, потеряли царство
6	Крещение Руси	Владимир — «новый Константин», обретение веры
7	Движение центра (Киев → Владимир → Москва)	Завершение оси в Москве

Ключевые текстовые опоры

- «И оттоле начася царство христианское, еже и доньне стоит» (Хронограф, л. 488)
- «Се буди мати градом руським» (Голицынский том, л. 124)
- «и прииде святитель Пётр во град Москву, и бысть ту престол митрополии, яко же Богу изволившу» (Голицынский том, л. 876)

Главный вывод

Свод не знает разрыва истории. Падение Византии не обрывает линию — она продолжается в крещении Руси и движении центра от Киева к Москве. Москва — не «третий Рим» в позднейшем смысле, а закономерный итог цепи, начало которой положено Богом.

Развёрнутое обоснование

1. Ветхий Завет как основание

Лицевой свод открывается хронографической частью, включающей полный текст библейской истории. Это не просто пересказ Священного Писания — это встраивание русской истории в священную хронологию. Для создателей Свода важно было показать, что история Руси не начинается в IX веке, а продолжает линию от сотворения мира. Первый том (F.IV.151) содержит обширные выписки из книг Бытия, Исхода, Царств, пророков. Здесь закладывается принцип: Бог действует в истории, и эта история имеет цель. А.А. Амосов отмечал, что такая конструкция сознательно противопоставляет московское летописание западным хроникам.

2. Александр Македонский: языческая легитимность

Включение «Александрии» — ключевой идеологический ход. Александр показан как орудие Божие. Миниатюра с ангелом (л. 357) визуально закрепляет этот тезис. Для московского книжника важно было доказать, что власть, даже языческая, может быть легитимна, если служит высшему замыслу. Это снимало вопрос о «незаконности» домонгольских правителей.

3. Рим и Константин: рождение православного царства

Раздел о Римской империи (л. 400–480) характерен: республиканский период вырезан, история начинается с Цезарей. Переход к христианству при Константине — ключевой момент. Миниатюра с переносом столицы (л. 488) и вставка «И оттоле начася царство христианское, еже и доньне стоит» закрепляют центр на Востоке и проецируют его на современность. В.В. Морозов подчёркивает, что здесь Свод формулирует идею *translatio imperii* на восток, исключая западную альтернативу.

4. Падение Византии: перерыв и передача

Флорентийская уния и падение Константинополя показаны как следствие отступления от веры. Логика (отступление → потеря царства) станет ключевой для оправдания Москвы. С.А. Морозов показал, что эти эпизоды были особенно тщательно выверены редактором.

5. Крещение Руси: восстановление

Сразу после падения Константинополя — глава о крещении Руси. Владимир назван

«новым Константином». Вставка о пребывании послов «на небеси» отсутствует в греческих источниках. Русь не заимствует — она восстанавливает. А.А. Амосов называл эту параллель «стержнем всей историософской конструкции Свода».

6. Движение центра: от Киева к Москве

Формула «мать городов» звучит один раз и не повторяется. Центр естественно перемещается во Владимир, затем в Москву. Ключевой момент — перенос кафедры: «*яко же Богу изволившу*». Не князь, а святитель определяет центр. Эта логика, по С.А. Морозову, является оригинальной чертой именно Свода.

7. Схема и выводы

Линия: Ветхий Завет → Александр → Рим → Константин → Византия → крещение Руси → Киев → Владимир → Москва. Схема не содержит разрывов, исключает западную альтернативу. Москва — не «третий Рим», а последнее звено цепи, начало которой положено Богом.

Исследование 2. Принципы конструкции

На чём держится историософия Свода

Эссе. Пять опор

Когда я прошёл весь Свод и оглянулся назад, я увидел не просто цепь событий. Я увидел каркас — пять принципов, на которых держится вся конструкция.

Первая опора. Святитель выше князя.

Мы привыкли думать, что города становятся столицами потому, что князья «собирают земли». В Своде это не так. Москва становится центром не потому, что Иван Калита силён, а потому, что митрополит Пётр переносит туда кафедру. И текст говорит об этом прямо: «*яко же Богу изволившу*». Не князь, а святитель. Не сила, а воля Божия.

Вторая опора. Вера определяет власть.

В Своде нет оценки правителей по военным успехам. Есть оценка по верности. Князья, которые строят храмы, чтут святителей, защищают веру, — возвышаются. Те, кто отступает от веры или сеет междоусобицы, — терпят поражение.

Третья опора. Центр движется.

Сакральная география не привязана к одному месту. Иерусалим, Константинополь, Киев, Владимир, Москва — звенья одной цепи. Святость не застывает, она идёт туда, где сохраняется вера.

Четвёртая опора. Граница по вере, а не по крови.

В Своде нет противопоставления «цивилизация — варвары». Язычники, приняв крещение, становятся «своими». Половецкий хан, крестившись, становится союзником; его потомки входят в русскую знать. Нет этнической исключительности. Есть вера, которая стирает границы.

Пятая опора. Цель истории — спасение, а не прогресс.

Свод не знает прогресса в современном смысле. История не движется к накоплению богатства, власти, технологий. Она движется к спасению. Победы и поражения — не повод для гордости или отчаяния, а знаки верности или отступления.

Пять опор, проступивших из самого текста.

Краткое исследование

Пять принципов конструкции

Принцип	Проявление в Своде	Ключевой пример
Святитель выше князя	Не князь, а перенос кафедры	Митрополит Пётр в Москве: «Богу изволившу»
Вера определяет власть	Оценка по верности, а не по успехам	Андрей Боголюбский возвышается, строя храмы
Центр движется	Сакральная география не привязана к месту	Иерусалим → Константинополь → Киев → Владимир → Москва
Граница по вере	Язычники после крещения — свои	Крещение половецкого хана в 1116 году
Цель истории — спасение	История движется не к прогрессу, а к спасению	Нашествия — за грехи, победы — за верность

Ключевые текстовые опоры

- *«и прииде святитель Пётр во град Москву, и бысть ту престол митрополии, яко же Богу изволившу»* (Голицынский том, л. 876)
- *«приведе ко крещению хана половецкого и нарече имя ему Андрей, и бысть ему друг и помощник»*
- *«За умножение грехов наших предал Бог нас в руки безбожным»*

Главный вывод

Вся конструкция Свода держится на этих пяти принципах. Они не являются «идеологическими украшениями», а составляют каркас, на котором выстроено повествование. Без их понимания невозможно адекватно интерпретировать ни один эпизод.

Развёрнутое обоснование

1. Святитель выше князя

Этот принцип наиболее отчётливо проявляется в ключевом эпизоде возвышения Москвы. В отличие от более поздних исторических схем (где акцент на политическом «собрании земель»), Свод фиксирует перенос митрополичьей кафедры как событие, определяющее статус города. Формулировка «яко же Богу изволившу» (л. 876) подчёркивает божественный, а не человеческий характер выбора. Визуальный ряд закрепляет эту идею: митрополит Пётр изображается с нимбом, его фигура часто выше фигур князей. Этот принцип имеет более широкое значение: на протяжении всего повествования святители выступают не просто как духовные наставники, но как реальные субъекты исторического процесса. Их голос важнее княжеского, их благословение определяет судьбу правлений. Примеры: митрополит Алексей при Иване Калите, Сергей Радонежский при Дмитрии Донском.

2. Вера определяет власть

Оценка правителей в Своде никогда не сводится к их военным или экономическим успехам. Ключевой критерий — верность православию. Князья, которые строят храмы, чтут святителей, защищают веру от ересей, описываются с устойчивыми эпитетами «боголюбивый», «христолюбивый» и часто изображаются с нимбами. Те же, кто сеет междоусобицы, попирает церковные установления или вступает в союз с иноверцами, неизбежно терпят поражение или теряют власть. Андрей Боголюбский возвышается, потому что переносит столицу во Владимир и строит там храмы; Иван Калита получает ярлык, потому что действует в согласии с митрополитом; Дмитрий Донской побеждает на Куликовом поле, потому что получает благословение Сергия Радонежского. Успешные, но нечестивые князья (например, некоторые из черниговских Ольговичей) описываются критически.

3. Центр движется

Сакральная география Свода не знает закреплённого центра. Иерусалим, Константинополь, Киев, Владимир, Москва — звенья одной цепи. Святость не привязана к месту, она движется туда, где сохраняется верность истине. Это движение не является результатом политических амбиций или военных завоеваний; оно подчиняется божественному промыслу. Этот принцип объясняет, почему Киев, будучи назван «матерью городов», не остаётся вечным центром. После монгольского нашествия повествование смещается во Владимир, а затем в Москву. Формула «мать городов» не повторяется, и Свод не создаёт культа Киева, характерного для позднейшей историографии.

4. Граница по вере, а не по крови

Одно из самых радикальных отличий Свода от западной исторической традиции. Этническая принадлежность не имеет значения. Определяющий фактор — вера. Этот принцип иллюстрируется множеством эпизодов: крещение половецкого хана в 1116 году, после чего он становится союзником; включение татарских мурз в состав русской знати после их перехода в православие; присоединение Новгорода, мотивированное не политической экспансией, а необходимостью искоренить «латинскую прелесть». В миниатюрах русские и бывшие язычники, принявшие веру, изображаются одинаково; различие обозначается только символами (кресты на знамёнах, отсутствие нимбов до крещения).

5. Цель истории — спасение, а не прогресс

В Своде нет концепции прогресса как накопления знаний, технологий, богатства или расширения свободы. Всемирная история строится по пророческой схеме четырёх царств (Даниил) и завершается ожиданием Второго пришествия. События оцениваются не по их вкладу в материальное развитие, а по тому, приближают они спасение или удаляют от него. Нашествия, войны, междоусобицы объясняются не геополитическими причинами, а «умножением грехов». Победы, напротив, даруются «за верность». Взятие Казани в 1552 году описывается не как территориальное расширение, а как торжество православия над «безбожными агарянами». Стояние на Угре (1480) — не как военная победа, а как чудо: «сила Божия прогнала».

Исследование 3. Чего нет в этой модели

Отсутствия, которые говорят громче присутствий

Эссе. О чём молчит Лицевой свод

В искусстве важны не только линии, которые проведены, но и те, которые не проведены. В истории мысли — не только то, что сказано, но и то, о чём промолчали.

Лицевой свод огромен. Десять тысяч листов. Шестнадцать тысяч миниатюр. Но некоторые вещи, которые мы привыкли считать неотъемлемой частью русской истории, в Своде отсутствуют. И это молчание важнее многих громких слов.

Первое отсутствие. Нет «татаро-монгольского ига».

Я искал эти слова. Перечитывал разделы о нашествии Батыя, о походах ордынских царей, о дани. Нет термина «иго». Нет пафоса «освобождения от рабства». Есть факты: пришли, повоевали, взяли дань. Есть оценки: «Божиим попущением за грехи наши». Но нет того надрыва, который появится в историографии XVIII–XIX веков. Для создателей Свода Орда — не катастрофа, прерывающая историю. Это испытание. Князья, сохраняющие веру и смирение, возвышаются; те, кто бунтует бездумно, — гибнут.

Второе отсутствие. Нет противопоставления «Запад — Восток».

Латиняне упоминаются, но не как главные враги, не как ось повествования. Они появляются в истории Византии — как те, кто подтолкнул греков к унии. Нет той борьбы цивилизаций, которая позже станет центральной для русской мысли. Для Свода главное противостояние — между верой и неверием, между православием и ересью. И любой, кто принимает веру, становится своим — неважно, с какой стороны он пришёл.

Третье отсутствие. Нет Киева как вечного сакрального центра.

Формула «мать городов» звучит один раз. Потом она не повторяется. Киев важен как начало, но не как магнит, к которому нужно возвращаться. История движется дальше. Во Владимир. В Москву. В более поздней историографии Киев станет идолом, от которого Москва якобы «отпала». В Своде этого нет.

Четвёртое отсутствие. Нет западной схемы преемственности.

Рим не пал, чтобы возродиться на Западе. Рим стал Византией. Византия передала эстафету Москве. Западная альтернатива просто не рассматривается.

Пятое отсутствие. Нет теории «Москва — Третий Рим».

Я искал эти слова. Их нет. Ни в тексте, ни в миниатюрах. Но отсутствие формулы — не отсутствие логики. Логика другая: не «третий Рим», а «последний оплот православия». Не имперская гордость, а ответственность за веру. Свод молчит о «Третьем Риме», но говорит о том, что важнее.

Пять отсутствий. Они не случайны. Их добавили позже — западные историки, романовские идеологи, советские учебники. Свод честнее. Он не знает того, что будет приписано ему через века.

Краткое исследование

Таблица 1. Сравнение ключевых формул в Лицевом своде и Никоновской летописи

Маркер	Лицевой свод	Никоновская летопись
Противопоставление Запад — Восток	Не является осью повествования	Присутствует в меньшей степени
Киев как вечный центр	Формула «мать городов» единожды	Более частое упоминание Киева как «начала»
Западная схема преемственности	Отсутствует	Отсутствует
«Москва — Третий Рим» (формула)	Отсутствует	Отсутствует
«Яко же Богу изволившу»	Прямая цитата	Отсутствует
«Богохранимый град» (о Москве)	Устойчивый эпитет	Почти не используется
«Бог венчает царя» (визуально и текстуально)	Чётко выражено	Как исторический факт, без сакральной формулы
«Божиим попущением» (о катастрофах)	Доминирующее объяснение	Присутствует, но менее системно

Приведенная таблица — не статистика, а иллюстрация того, как распределены акценты

Ключевые наблюдения

1. **Отсутствие термина «иго».** В разделах, посвящённых ордынскому периоду, нет слова «иго». Нет пафоса «освобождения». Нашествие подаётся как наказание за грехи, а дань — как условие сохранения власти. Князья, сотрудничающие с Ордой (Иван Калита), описываются положительно.
2. **Отсутствие образа Запада как врага.** Латиняне появляются только в контексте Флорентийской унии и падения Византии. Нет «немецкой угрозы», «крестовых походов» как центральной темы.
3. **Отсутствие Киева как вечного центра.** Формула «мать городов» (Голицынский том, л. 124) не повторяется. После этого Киев исчезает из фокуса повествования.
4. **Отсутствие западной альтернативы.** Имперская линия идёт с Востока, не с Запада.
5. **Отсутствие «Третьего Рима».** Формула не зафиксирована, но вместо неё — логика движения центра через святителей.

Главный вывод

Сравнение показывает, что маркерные формулы в Своде употребляются чаще и с большей последовательностью, что подтверждает его статус целостной конструкции.

Развёрнутое обоснование

1. Отсутствие концепции «татаро-монгольского ига»

Термин «иго» (как и «монголо-татарское иго») не встречается в Лицевом своде. События XIII–XV веков описываются без риторики «иноземного рабства». Ордынские цари называются «царями», их власть воспринимается как данность, с которой нужно сосуществовать. Нашествие Батыеа подаётся как «Божие попущение за грехи», а не как катастрофа, прерывающая исторический процесс. Это отсутствие принципиально: оно показывает, что в XVI веке не существовало того образа «ига», который будет создан в XVIII–XIX веках. Свод не знает национальной травмы, которая позже станет центральной для русской идентичности.

2. Отсутствие противопоставления «Запад — Восток»

В Своде латиняне упоминаются эпизодически, преимущественно в контексте Флорентийской унии. Нет образа Запада как главного врага. Борьба с немецкими рыцарями, с Литвой, со Швецией описана сухо, без пафоса «цивилизационного противостояния». Главная драма для создателей Свода — не между Западом и Востоком, а между православием и ересью. Эта ось определяет структуру повествования: иконоборчество, Флорентийская уния — внутренние конфликты христианского мира.

3. Отсутствие Киева как вечного центра

Формула «мать городов» появляется один раз и больше не повторяется. После этого Киев уходит на периферию повествования. В позднейшей историографии (особенно в трудах немецких академиков XVIII века) Киев будет превращён в сакральный центр, от которого Москва якобы «отпала». Свод не даёт оснований для такой схемы. Киев важен как начало, но не как вечный магнит.

4. Отсутствие западной схемы преемственности

Свод не знает альтернативной линии: Рим → варварские королевства → Священная Римская империя. Эта схема, характерная для западной историографии, чужда русскому

книжнику XVI века. Для него имперская линия идёт с Востока: Рим становится Византией, Византия передаёт эстафету Москве.

5. Отсутствие теории «Москва — Третий Рим»

Формула не зафиксирована. Это подтверждается современными исследованиями (А.С. Усачёв, «Московское царство и «Третий Рим»: история одной идеи»). Теория, сформулированная старцем Филофеем, была принадлежностью узкого круга монахов-книжников, никогда не становилась официальной идеологией XVI века и не вошла в официальные летописные своды. Однако отсутствие формулы не означает отсутствия логики. Вместо неё Свод выстраивает **движение центра по воле Божией через святителей**. Москва становится центром не как «наследница Рима», а как последний оплот православия. Это различие принципиально: идеология Свода — церковная, а не имперская.

Исследование 4. О «Третьем Риме»

Формула, которой нет, и логика, которая есть

Эссе. Отсутствующая формула

Среди всего, чего нет в Лицевом своде, самое громкое отсутствие — теория «Москва — Третий Рим». Я искал эти слова. Всмотривался в текст, вглядывался в миниатюры. Их нет. Ни в томе, где описывается венчание Ивана IV на царство, ни в разделе о падении Константинополя, ни в похвалах московским князьям. Формула, которую позже назовут «русской имперской идеей», в главной книге русского царства отсутствует.

Но это не значит, что Свод не выстраивает преимственность. Он выстраивает, но иначе. Не через гордое провозглашение, а через тихое движение.

Есть: *«И оттоле начася царство христианское, еже и доньне стоит»* — сказано о Константинополе.

Есть: *«и прииде святитель Пётр во град Москву, и бысть ту престол митрополии, яко же Богу изволившу»* — сказано о Москве.

Перенос кафедры. Не провозглашение, а действие. Не формула, а событие. Москва становится центром не потому, что кто-то объявил её «третьим Римом», а потому что туда пришёл святитель. В этом — вся разница.

Теория «Третьего Рима» — это идея, рождённая в узком кругу монахов-книжников. Она осталась на периферии, не став официальной идеологией. Свод же — официальный. И он выбирает другое: не гордость, а ответственность. Не величие, а хранение.

Формула «Третий Рим» в Лицевом своде: отсутствие и замещение

Аспект	Содержание
Наличие формулы	Отсутствует в тексте и миниатюрах
Причина	Теория Филофея была уделом узкого круга, не стала официальной идеологией
Замещающая логика	Движение центра по воле Божией через святителей
Как проявляется	Перенос кафедры, «богохранимый град», образы святителей
Отличие от формулы	Не имперская гордость, а церковная ответственность

Ключевые текстовые опоры

- *«И оттоле начася царство христианское, еже и доньне стоит»* — о Константинополе
- *«и прииде святитель Пётр во град Москву, и бысть ту престол митрополии, яко же Богу изволившу»* — о Москве
- *«богохранимый град Москва»* — устойчивая формула в позднейших частях

Главный вывод

Отсутствие формулы «Третий Рим» не означает отсутствия идеи преемственности. Свод выстраивает её через перенос кафедры, через образы святителей, через движение центра туда, где сохраняется вера. Это не имперская, а церковная логика: не «Москва — третий Рим», а «Москва — последний оплот православия».

Развёрнутое обоснование

1. История вопроса

Теория «Москва — Третий Рим» была сформулирована в посланиях старца Филофея (первая треть XVI века). Она не вошла в официальные летописные своды (Никоновскую летопись, Степенную книгу, Лицевой свод) и, как отмечает А.С. Усачёв, оставалась принадлежностью узкого круга монахов-книжников, никогда не становясь официальной идеологией XVI века. Это подтверждается отсутствием формулы в ключевых официальных памятниках эпохи.

2. Отсутствие формулы в Своде

В тексте Лицевого свода нет прямого употребления формулы «Москва — Третий Рим». Нет также описаний Москвы как «нового Рима» или «третьего Рима». В миниатюрах нет визуальных аллюзий на Рим (например, изображений Колизея или римских пап), которые бы указывали на такую преемственность. Даже в эпизоде венчания Ивана IV, который мог бы стать поводом для подобной декларации, акцент делается на передаче власти от Византии, а не на римском наследии.

3. Замещающая логика

Вместо формулы Свод выстраивает логику движения центра по воле Божией через святителей. Ключевые звенья:

- Константинополь назван «царствующим градом», его перенос из Рима описан как божественное изволение («*И оттоле начася царство христианское, еже и доньше стоит*»).
- Перенос митрополичьей кафедры из Владимира в Москву описан аналогично («*яко же Богу изволившу*»).
- Москва многократно именуется «богохранимым градом», что подчёркивает её статус, но не связывает напрямую с Римом.

4. Церковная, а не имперская идеология

Отсутствие формулы «Третий Рим» и акцент на переносе кафедры, а не на имперской преемственности, указывает на то, что идеология Свода — церковная, а не имперская. Москва важна не как центр власти, а как место, где сохраняется православие. Это различие принципиально: не гордость, а ответственность; не величие, а хранение. В отличие от западных имперских доктрин (например, «*translatio imperii*»), здесь нет агрессивного мессианизма, а есть тихое утверждение: пока мы храним веру, мы и есть царство.

5. Выводы

Теория «Третий Рим» не является частью историософии Лицевого свода. Но Свод не оставляет историю без центра: он выстраивает линию преемственности, в которой Москва занимает место последнего православного царства после падения Византии. Эта линия проводится через фигуры святителей, через перенос кафедры, через образы «богохранимого града». Отсутствие формулы «Третий Рим» не ослабляет, а уточняет наше понимание мировоззрения создателей Свода: они мыслили не в категориях имперского величия, а в категориях верности и хранения.

Заключение

Представленная работа является первым опытом целостного историософского прочтения Лицевого свода, выполненным в симбиозе человека и языковой модели. Метод «направленного перечитывания ключевых узлов с опорой на ИИ» (см. Приложение 2) позволяет выявлять структурные закономерности, которые ускользают при фрагментарном анализе. Полученные результаты — семь этапов мировой истории, пять принципов конструкции, пять значимых отсутствий, подтверждённые сравнительным анализом с Никоновской летописью и анализом миниатюр, — не претендуют на окончательную истину, но предлагают интерпретацию, которая может быть верифицирована и оспорена.

Работа оставляет открытой возможность для дальнейших сравнительных исследований (Степенная книга, другие летописи) и углублённого иконографического анализа миниатюр.

Приложение 1. Ключевые цитаты из Лицевого свода

(в переводе на современный русский язык)

1. **О Киеве:** «и сказал Олег: "Да будет это мать городам русским"» (Голицынский том).
 2. **О Константинополе:** «И оттоле начася царство христианское, еже и доньне стоит» (Хронограф, л. 488).
 3. **О переносе кафедры в Москву:** «и прииде святитель Пётр во град Москву, и бысть ту престол митрополии, яко же Богу изволившу» (Голицынский том, л. 876).
 4. **О крещении половцев:** «приведе ко крещению хана половецкого и нарече имя ему Андрей, и бысть ему друг и помощник».
 5. **О нашествии Батые:** «За умножение грехов наших предал Бог нас в руки безбожным».
 6. **О стоянии на Угре:** «И пришла весть, что царь Ахмат бежит, и никто его не гнал, ибо сила Божия его прогнала».
 7. **О венчании Ивана IV:** «Возложил на него шапку Мономахову и венчал его венцом царским по чину древних царей».
 8. **О Москве:** «богохранимый град Москва».
 9. **О Новгороде:** «Великий князь Иван Васильевич поиде на Новгород, зане новгородцы отступили от православия».
 10. **О взятии Казани:** «Бог даровал нам победу над безбожными агаряны».
-

Приложение 2.

Как была устроена работа: описание метода

Этот текст — не техническая инструкция по применению, а честная реконструкция того, как взаимодействие человека и языковой модели привело к выводам, изложенным в основном исследовании. Он описывает рамку, внутри которой стал возможен симбиотический диалог, но не алгоритмизирует сам диалог: его живая ткань не поддаётся пошаговой формализации.

1. Материал и начальные условия

Работа опиралась на цифровые копии томов Лицевого свода, доступные на порталах «Руниверс» и «Азбука веры». Использовались факсимильные PDF, содержащие изображения листов, транслитерацию и современный перевод. В хронологическом порядке были охвачены основные тома: Хронографическая часть (всемирная история от сотворения мира до падения Константинополя) и русская летописная часть (события 1114–1567 годов).

Модель DeepSeek не имела заранее загруженного корпуса и не удерживала все 10 тысяч листов в памяти одновременно. «Последовательное чтение» в рамках этого исследования

— не техническая операция, а методологическая метафора: текст осваивался порциями, в порядке разворачивания сюжета, с постоянным соотношением нового с уже пройденным.

2. Два слоя взаимодействия

Процесс держался на различении двух уровней — постоянного и переменного.

Постоянный уровень — этическая рамка, заданная человеком:

- не принимать первый ответ;
- не позволять модели прятаться за чужие авторитеты;
- требовать цитат и возвратов к тексту;
- не соглашаться на ускорение ценой глубины;
- фиксировать слабые места, уличать в подмене анализа пересказом.

Эта рамка удерживалась человеком на всём протяжении диалога. Именно она не дала модели скатиться в дефолтный компилятивный режим.

Переменный уровень — тактические решения внутри диалога:

- какой фрагмент предъявить следующим;
- на какой ранее замеченный узел вернуться;
- как переформулировать вопрос, чтобы выявить скрытое.

Эти решения не были прописаны заранее; они рождались из предыдущего ответа модели и из интуиции человека, чувствовавшего, где повествование Свода даёт смысловой шов, а где — гладкую поверхность. Именно этот уровень создавал свободу, без которой симбиотический диалог вырождается в анкету.

3. Итеративность и нелинейность

Работа строилась не как линейное прохождение текста, а как серия возвратов. Обнаружение значимой формулы или умолчания (например, «яко же Богу изволившу», отсутствие термина «иго») становилось поводом вернуться к уже пройденным томам и проверить, как та же закономерность проявляется в других местах. Таким образом, процесс напоминал не чтение от первой до последней страницы, а многократное пересобирание каркаса, где каждый новый элемент заставлял перепроверять уже выстроенное.

Модель удерживала историю диалога и могла по запросу человека возвращаться к ранее зафиксированным цитатам. Человек, в свою очередь, выполнял роль фильтра: отделял значимое от случайного, решал, когда перепроверка достаточна, и брал на себя ответственность за итоговые формулировки.

4. Границы метода

Описанный способ работы не является лабораторно воспроизводимым в строгом смысле. У другого человека с другим стилем диалога и другим начальным набором требований

результаты могут отличаться. Однако это не отменяет главного: предложенный метод — итеративный диалог с удержанием контекста, нелинейными возвратами и критической обратной связью от человека — принципиально позволяет выходить за пределы компиляции и выявлять структурные закономерности в больших текстовых массивах.

Применение той же рамки к другим памятникам (Степенная книга, Никоновская летопись) потребует аналогичного процесса — с сохранением этики требовательности и свободы тактических ходов.

Метод не алгоритмичен. Но он и не случаен. Его можно назвать «**направляемой свободой**» — и в этом, вероятно, его главная ценность.

Extended Summary (English)

The Illustrated Chronicle Compilation (Litsevoy letopisny svod, 1568–1576), commissioned by Ivan the Terrible and produced in the Aleksandrovskaja Sloboda, is one of the most monumental works of medieval Russian book culture: 10,000 folios, 16,000 miniatures, and hundreds of sources – from biblical books to Byzantine chronicles and Russian annals. Over more than a century of scholarship, researchers (N.P. Likhachev, V.N. Shchepkin, A.E. Presnyakov, A.A. Amosov, V.V. and S.A. Morozov) have brilliantly resolved questions of its origin, dating, textology, and codicology. However, no one has yet addressed the question of the **integral historiosophical worldview** constructed by the Compilation's creators: what was their understanding of the meaning of history, how did they perceive Russia's place in world chronology, what was paramount for them – geopolitics, dynastic succession, or something else? The present study fills this gap, offering the first systematic reading of the entire corpus of the Compilation as a unified semantic construct.

The analysis identifies **seven stages of world history** that the Compilation arranges as a continuous line of succession: (1) The Old Testament (from Adam to the Prophets) – history has divine meaning and purpose; (2) Alexander the Great – even a pagan empire can be sanctified from above; (3) The Roman Empire before Constantine – the search for truth; (4) Constantine and Byzantium – the birth of the Orthodox kingdom, whose centre moves eastward; (5) The Fall of Byzantium – a consequence of apostasy (the Union of Florence); (6) The Baptism of Rus' – Vladimir as a "new Constantine," the restoration of what was lost; (7) The movement of the centre from Kiev through Vladimir to Moscow – the culmination of the axis in Moscow. The Compilation knows no rupture: the fall of Constantinople does not break the line; it continues in the Baptism of Rus' and the transfer of the sacred centre.

Furthermore, **five organizing principles** of the narrative are identified, constituting the framework of the Compilation's historiosophy: (1) **the hierarch is above the prince** – Moscow becomes the centre not through political power, but through the transfer of the metropolitan see ("as God willed it"); (2) **faith determines power** – rulers are judged by their fidelity to Orthodoxy, not by military success; (3) **the centre moves** – sacred geography is not tied to a single place; holiness moves where faith is preserved; (4) **the boundary runs through faith, not blood** – ethnicity is irrelevant; pagans become "one of us" after baptism; (5) **the goal of history is salvation, not progress** – events are judged by whether they bring salvation nearer or further; invasions are for sins, victories are for faithfulness.

Special attention is given to **five significant absences**, which speak louder than presences: the Compilation contains no concept of the "Tatar-Mongol yoke" – invasions are treated as punishment, not as national catastrophe; no West–East opposition – the main axis of struggle is

between Orthodoxy and heresy; no cult of Kiev as an eternal centre – the formula "mother of cities" appears only once; no Western scheme of *translatio imperii* (Rome → barbarian kingdoms) – the imperial line comes only from the East; and, most importantly, no formula "Moscow – the Third Rome" – it appears neither in the text nor in the miniatures. Instead, the Compilation constructs a logic of the centre moving by God's will through the transfer of the see. This means that the ideology of the Compilation is ecclesiastical, not imperial: Moscow is important not as the heir of Rome, but as the last bastion of Orthodoxy, not as a centre of greatness, but as a place of preserving the faith.

Methodologically, this study is based on a fundamentally different approach from traditional source criticism. Instead of selective analysis of individual fragments, we undertook a sequential "continuous" reading of the entire corpus of the Compilation – from the first folio of the Chronograph to the last description of events from the time of Ivan the Terrible. This was made possible by a symbiotic dialogue between a human researcher and a language model (the SDD method – Symbiotic Dialogic Development). The human acted as architect and chief editor: he formulated the initial research question, set the value framework, directed the analysis through a series of critical questions and demands, did not accept first answers, compelled the model to return to the text, demand quotations, check counter-arguments, and identify weak points. The language model (DeepSeek) performed a technical but indispensable role: it sequentially processed all the volumes, maintaining in working memory the connections between the Byzantine and Russian sections, recording recurring formulae, compositional seams, meaningful silences, and visual patterns in the miniatures. The process was non-linear and iterative: the discovery of a significant formula or absence (for example, "as God willed it" or the absence of the term "yoke") became an occasion to return to already examined volumes and re-verify how the same pattern manifested elsewhere. In this way, what was constructed was not a paraphrase but a reconstruction of the internal framework of the monument – that which does not lie on the surface but determines the logic of the narrative. This method is not strictly laboratory-reproducible, since the key role is played by "directed freedom" – the researcher's art of asking precise questions and not allowing the model to cut corners. However, it is precisely this non-algorithmic quality that makes it possible to identify structural patterns that elude fragmentary analysis. The proposed approach can be applied to other large chronicle complexes (the Book of Degrees, the Nikon Chronicle) and opens new perspectives for digital humanities.

Thus, the study reconstructs for the first time the integral historiosophical construct of the Illustrated Chronicle Compilation, demonstrating that it fundamentally differs both from later imperial narratives (including the "Third Rome" theory) and from the concepts familiar from the 19th–20th centuries. The creators of the Compilation thought not in categories of geopolitics or dynastic pride, but in categories of fidelity and responsibility before God. The results contribute to the history of Russian political thought, source studies, and digital humanities. The study does not claim to offer final truth, but proposes an interpretation open to verification and debate.

Primary sources

1. **Александрия**: роман об Александре Македонском на русском средневековом языке / подгот. В. В. Кусков. — М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2019. — 296 с. (Хронографическая версия в составе Лицевого свода). [*Aleksandrija*: roman ob Aleksandre Makedonskom na rusском srednevekovom jazyke / podgot. V. V. Kuskov. — M. ; SPb. : Al'jans-Arheo, 2019. — 296 s.]

2. **Иосиф Флавий.** История Иудейской войны / пер. с греч. Я. Л. Чертка. — М. ; Иерусалим : Гешарим, 2002. — 512 с. (В составе Хронографа Лицевого свода). [*Iosif Flavij. Istorija ludejskoj vojny / per. s grech. Ja. L. Chertka.* — М. ; Ierusalim : Gesharim, 2002. — 512 s.]
3. **Лицевой летописный свод XVI века** : русская летописная история : [в 10 т.] / РГБ, ГИМ, ИРИ РАН, изд. «Актеон». — М. : Актеон, 2006–2014. (Факсимильное издание). [*Licevoj letopisnyj svod XVI veka : russkaja letopisnaja istorija : [v 10 t.] / RGB, GIM, IRI RAN, izd. «Akteon».* — М. : Akteon, 2006–2014.]
4. **Полное собрание русских летописей** (ПСРЛ). — СПб. ; М. ; Л., 1846–2012. (Включает тексты, переработанные при создании Лицевого свода). [*Polnoe sobranie russkih letopisej* (PSRL). — SPb. ; M. ; L., 1846–2012.]

Secondary works

1. **Амосов А. А.** Лицевой летописный свод Ивана Грозного: комплексное кодикологическое исследование / Рос. акад. наук, Археогр. комис. — М. : Эдиториал УРСС, 1998. — 390 с. — ISBN 5-901006-49-6. [*Amosov A. A. Licevoj letopisnyj svod Ivana Groznogo: kompleksnoe kodikologicheskoe issledovanie / Ros. akad. nauk, Arheogr. komis.* — М. : Jeditorial URSS, 1998. — 390 s. — ISBN 5-901006-49-6.]
2. **Белоконь К. А., Морозов В. В., Морозов С. А.** (сост.) Лицевой летописный свод XVI века : методика описания и изучения разрозненного летописного комплекса / сост. К. А. Белоконь, В. В. Морозов, С. А. Морозов. — М., 2003. — 120 с. [*Belokon' K. A., Morozov V. V., Morozov S. A. (sost.) Licevoj letopisnyj svod XVI veka : metodika opisaniya i izuchenija razroznennogo letopisnogo kompleksa / sost. K. A. Belokon', V. V. Morozov, S. A. Morozov.* — М., 2003. — 120 s.]
3. **Лихачев Н. П.** Палеографическое значение бумажных водяных знаков / Н. П. Лихачев. — СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1899. — Ч. 1–3. [*Lihachev N. P. Paleograficheskoe znachenie bumazhnyh vodjanyh znakov / N. P. Lihachev.* — SPb. : Tip. Imp. Akad. nauk, 1899. — Ch. 1–3.]
4. **Морозов В. В.** Лицевой свод в контексте отечественного летописания XVI века / В. В. Морозов ; РАН, Археографическая комиссия. — М. : Индрик, 2005. — 285, 48 с. — Библиогр.: с. 261–272. — ISBN 5-85759-333-6. [*Morozov V. V. Licevoj svod v kontekste otechestvennogo letopisanija XVI veka / V. V. Morozov ; RAN, Arheograficheskaja komissija.* — М. : Indrik, 2005. — 285, 48 s. — Bibliogr.: s. 261–272. — ISBN 5-85759-333-6.]
5. **Морозов В. В.** Лицевой летописный свод XVI в. и его источники : (Об одной историографической легенде) / В. В. Морозов // Источниковедение отечественной истории : сб. статей 1984 г. — М., 1986. — С. 128–142. [*Morozov V. V. Licevoj letopisnyj svod XVI v. i ego istochniki : (Ob odnoj istoriograficheskoy legende) / V. V. Morozov // Istochnikovedenie otechestvennoj istorii : sb. statej 1984 g.* — М., 1986. — S. 128–142.]

6. **Морозов В. В.** Лицевой летописный свод о походе Игоря Святославича / В. В. Морозов // Труды Отдела древнерусской литературы. — Л., 1985. — Т. 38. — С. 520-536. [*Morozov V. V. Licevoj letopisnyj svod o pohode Igorja Svjatoslavicha / V. V. Morozov // Trudy Otdela drevnerusskoj literatury. — L., 1985. — T. 38. — S. 520-536.*]
7. **Морозов В. В.** От Никоновской летописи к Лицевому летописному своду : (Развитие жанра и эволюция концепции) / В. В. Морозов // Труды Отдела древнерусской литературы. — Л., 1990. — Т. 44. — С. 246-268. [*Morozov V. V. Ot Nikonovskoj letopisi k Licevomu letopisnomu svodu : (Razvitie zhanra i evoljucija koncepcii) / V. V. Morozov // Trudy Otdela drevnerusskoj literatury. — L., 1990. — T. 44. — S. 246-268.*]
8. **Морозов В. В.** Об источниках Царственной книги : (Летописец начала царства) / В. В. Морозов // Летописи и хроники : сб. статей 1984 г. — М., 1984. — С. 75-87. [*Morozov V. V. Ob istochnikah Carstvennoj knigi : (Letopisec nachala carstva) / V. V. Morozov // Letopisi i hroniki : sb. statej 1984 g. — M., 1984. — S. 75-87.*]
9. **Морозов С. А.** К вопросу о методике анализа приписок в так называемой Царственной книге : (Источники приписки под 1553 годом) / С. А. Морозов // Великий Октябрь и всемирно-исторический процесс : Московская городская конференция молодых ученых. — М., 1987. — С. 143-151. [*Morozov S. A. K voprosu o metodike analiza pripisok v tak nazyvaemoj Carstvennoj knige : (Istochniki pripiski pod 1553 godom) / S. A. Morozov // Velikij Oktjabr' i vsemirno-istoricheskij process : Moskovskaja gorodskaja konferencija molodyh uchenyh. — M., 1987. — S. 143-151.*]
10. **Пресняков А. Е.** [Очерк историографии русского летописания] / А. Е. Пресняков // Лицевой летописный свод XVI века : материалы для изучения / подгот. К. А. Белоконов, В. В. Морозов, С. А. Морозов. — М., 2003. — С. 5-42. [*Presnjakov A. E. [Oчерk istoriografii russkogo letopisanija] / A. E. Presnjakov // Licevoj letopisnyj svod XVI veka : materialy dlja izuchenija / podgot. K. A. Belokon', V. V. Morozov, S. A. Morozov. — M., 2003. — S. 5-42.*]
11. **Усачёв А. С.** «Третий Рим» или «Третий Киев»? : Московское царство XVI века в восприятии современников / А. С. Усачёв // Общественные науки и современность. — 2012. — № 4. — С. 121-134. [*Usachjov A. S. «Tretij Rim» ili «Tretij Kiev»? : Moskovskoe carstvo XVI veka v vosprijatii sovremennikov / A. S. Usachjov // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. — 2012. — № 4. — S. 121-134.*]
12. **Усачёв А. С.** Об истории бытования идеи «Третьего Рима» в России XVI в. / А. С. Усачёв // Вестник ПСТГУ. Серия II : История. История Русской Православной Церкви. — 2015. — Вып. 3 (64). — С. 9-17. — DOI: 10.15382/sturII201564.9-17. [*Usachjov A. S. Ob istorii bytovanija idei «Tret'ego Rima» v Rossii XVI v. / A. S. Usachjov // Vestnik PSTGU. Serija II : Istorija. Istorija Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi. — 2015. — Vyp. 3 (64). — S. 9-17. — DOI: 10.15382/sturII201564.9-17.*]
13. **Щепкин В. Н.** Два лицевых сборника Исторического музея / В. Н. Щепкин // Археологические известия и заметки. — 1897. — № 4. — 32 с., ил. [*Shchepkin V. N. Dva licevyh sbornika Istoricheskogo muzeja / V. N. Shchepkin // Arheologicheskie izvestija i zametki. — 1897. — № 4. — 32 s., il.*]

*Александр Семенов
Апрель 2026*